

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

ПАВЕЛ ПАНОВ

КАЗАЦКИЙ ПОП

Такие звериные гривы у людей встречаются редко — густая, не прoderёшь никаким гребнем, в кудряшку, мелким бесом, с проседью. Такой рыкающий бас должен был достаться ушкуйнику... с кистенём... И эти могучие чресла мало соответствовали смиренному православному сану, но вот таким и был отец Александр. Откуда он взялся в храме Успения Божьей Матери — прихожане не знали, поговаривали, что батюшка сей — не из семинаристов, а из мирских, хлебнул он жизни моряцкой, похаживал с геологами, а потом, после какого-то жизненного потрясения, пришёл к Богу. Когда он пел: «Да исправится молитва моя... Жертва вечерняя...» — тоненькие огоньки сиротских свечек подрагивали, серебряная церковная утварь позвякивала. В храме Успения Божьей Матери если что и было от православных корней — так эта утварь, один старый крест и медный колокол, вздёрнутый перед церковными дверями на деревянную шарагу — колоколенки-то не было. Один купол самодельный... Не было пока и самого храма — власти для отправления религиозных нужд отдали приходу старый Дом Культуры. Сняли Ленина, внесли Христа, помахали кадиллом и запели нестройно, но истово.

Настоятелем храма, местным епископом был владыка Феофантий — с бородёнкой набок, тщедушный, умненький монах (поговаривали, и правда, девственник). К отцу Александру прихожане потянулись сразу. Сперва предпенсионного возраста интеллигентные прихожанки — уже отгулявшие своё, отгрешившие, потом — народ всякий... И последними, присмотревшись, пришли казаки.

Сперва-то по мелочи: «Благослови, батюшка, оружие». Десятка два кавалерийских шашек, артиллерийских палашей, фехтовальных эспадронов, парадных не начотенных побрякушек, просто — самоделок, и даже турецких ятаганов и японских штык-ножей, всё это с кощунственным лязгом и скрежетом было обнажено перед алтарём.

Понятное дело, казачков из храма отец Александр погнал, оружие освятил в одной из старых казарм десантного полка, отданной новоиспечённому казачеству под штаб. Есаулы и сотники, хорунжие и рядовые — они казаковали в свободное от службы и работы время, искали себе применение, собирали силу. Власти их не трогали, заигрывали осторожно, но больше смотрели как на ряженных, приглашали то — в почётный караул, то в президиум, то детишек на лошадках покатать.

Однажды местный мэр Мериллов сказал атаману Сапрыкину, улыбаясь не то одобрительно, не то насмешливо: «Службы ищете, казачки? А вы наведите порядок на рынке!»

Развесёлые ряды городского рынка раскинулись прямо под окнами городской мэрии, сразу за уцелевшим памятником Ленину. Гортанные выкрики кавказцев, мяука-

ющий говорок корейцев, привычный русский мат долетали до окон бывших партийных кабинетов, тревожили. Порядок на рынке, собственно, существовал. Спортивные ребята с короткими стрижками собирали по вечерам дань, мгновенно и беспощадно гасили любой конфликт, сами назначали цены на товары. И «навести порядок» на рынке значило одно — переподчинить рынок мэрии. «Я казацкой кровью эту грязь поливать не буду», — сказал тогда несколько театрално атаман Сапрыкин и удалился.

И вот в это время к казачкам пришёл отец Александр.

— Некрещёного народу много народилось, неприкаянного, — сказал он. — Пойдём, казачки, погуляем, дело Божеское сотворим.

План был хорош — пройти на плотах и резиновых лодках по главной реке Ламутии маршрутом казаков-землепроходцев да по пути народ окрестить. И все вначале, как водится, вдохновились — решили обмыть начинание. Поп пил, не чинясь, — по полстакана, отмахиваясь широким крестом от самогонной нечисти. Казачки разгрызали смирение, заговаривали о Боге, намекали на сотрудничество. Сперва — крестить народ походным приёмом, а потом и вообще задружить надолго.

Экспедицию решили не откладывать и отчаливать уже через два дня. Отец Александр пришёл на берег реки в энцефалитке, болотных сапогах, с толково уложенным рюкзаком, сел на корму, перекрестился, сказал: «С Богом!» — и двумя сильными гребками вывел лодконку на прибрежную стремнину.

Ещё с десяток лодок под казачками хоругвями, императорскими самопальными штандартами, Андреевскими стягами и знамёнами военно-воздушных сил СССР, — всё это тронулось за ним следом.

Деревушки вдоль реки были одинаково скудные, подрёмывающие, выжидающие чего-то. Но народ шёл, крещение принимали дружно, отец Александр в раззолоченной рясе служил спокойно и вдумчиво, поливал склонённые головы речной водицей, пахнувшей ледниками недалёких гор, давал целовать крест. На жалобы деревенских — мрём, мол, — отвечал просто:

— В Бога веруйте да погост в порядок приведите.

— А то что?

— Передохнете все.

Атаман Сапрыкин успевал за это время переговорить с местными мужичками — кого-то посватать в казаки, с кем-то договориться об охране нерестилиц и заповедника, успевал узнать про дела фермерские, тут же наладить небольшую коммерцию.

Так и плыли. Почти семьсот километров и по полторы крещёных души на каждый километр, как подсчитал атаман Сапрыкин.

По ночам у костра атаман Сапрыкин заводил с отцом Александром душевные разговоры.

— Я уважаю Христа, — говорил атаман, поглаживая тонкие калмыцкие усики. — Много знал, много сам умел, людей за собой вёл... Атаман был! Ну, в смысле есть... А вот Бог-отец, прости мою душу грешную, какой-то нервозный мушшина. Ну, неправильно себя повели граждане, проживающие в городах Содом и Гоморра, так он их с лица земли стёр. А потом и совсем на людишек потоп напустил, стихийное бедствие. Ты же — Отец! Ты же умнее должен быть! Терпёж иметь! Вот я — отец. Породил троих казачат. И вот начни они у меня шкودить... Так что я их — в ведре помойном топить должен? Ну, выпорю... Объясню потом — за что выпорол. А топить... Нет.

— Каша у тебя в голове, атаман. Гречневая, — говорил отец Александр, помешивая в котелке. — Читай Священное Писание до тех пор, покуда не поумнеешь.

Атаман посмеивался, довольный:

— Нам, казачкам, в Бога верить положено по традиции, нас сейчас всерьёз не воспринимают. Маскарад, мол, устроили. В церковь заходим — не знаем, с какого места креститься начать! Это ничего, обвыкнем. Ты нас учи, отец Александр.

— Искренне ваше желание — учиться?

— Надо. Пока время есть. Казак — это свобода, воля. Много свободы — плохо. Разбалуются казачки, уничтожат их...

— Как в Содоме и Гоморре... Верно, атаман?

— Святая правда, отец Александр.

— А сейчас вас не могут уничтожить?

— За ненадобностью? Нет, присматриваться будут. Оставят. На всякий случай. Землю пахать будем, плёточками помахивать... Деньги у нас уже появились. Много денег будет — много силы. Тогда нас голыми руками не возьмёшь.

Еловой палочкой трогал угольки в костре отец Александр, дышать им давал, а сам думал о том, что человек к Богу приходит тремя путями. Одни — по традиции ходили в церковь всей семьёй, и деды ходили, и весь род крещёный. Вот и прижилась душа в храме. Другие — от беды, от потрясения, от безнадёги нашей. Третьи — от великого ума, как Менделеев, Эйнштейн — они Бога, как планету Нептун, на кончике пера, сперва вычислили, а потом уж уверовали. А вот атаман Сапрыкин — от всего понемножку? Не дурак, про Бога-отца, про Космос рассуждает... Потрясений у атамана тоже хватало — через Афган, Чечню прошёл атаман... В Приднестровье был.

— А что, атаман, ты тут Бога-отца за Содом и Гоморру осуждал, а я тут краем уха слышал, как ты казачкам рассказывал о казни. В Приднестровье... казачки ваши... снайпера...

— Снайпершу. Сука, прости Господи... Лет восемнадцать... Откуда-то из Прибалтики. Чемпионка по стрельбе, весь приклад в зарубинах — наши жизни считала. Их там называли «белые чулки». Говорят, платили хорошо за нашу кровь.

— Казнили?

— Ага. Два дерева согнули, за ножки стройные привязали... кишки петлями... Я три дня куска в рот взять не мог, спирт жрал, рукавом занюхивал.

— Вот когда ты казнил...

— Не я это. Видел только. А разве неправильно? Сказано же: «Око за око».

Вот так они и спорили. А под конец экспедиции всё чаще намекал атаман отцу Александру — стать казацким попом. Не то, чтобы служить пойти, а чтобы только у него одного казачки все требы справляли. К другому-то и не пойдут казачки... А ведь надо! Как без Бога-то?

И стал появляться отец Александр и на казацком круге, и дома у атамана, на дальних охотничьих займках, в русской бане с парком свирепым. Сперва катался на стареньком казацком «Джипе-Чероки», а потом ему всем миром «Тойоту» поновее справили.

Станичники своему казацкому попу радовались, а тут ещё их и Президент народом назвал, Указом узаконил.

Правилось казачкам и то, что ведёт себя отец Александр попросту, по-свойски. Был он вдов, пришло время, и присмотрел себе молодую бабёнку, будущую матушку. Казачки это одобрили: «А что, это у православных позволяется...» Ночь-заполночь заруливал к ней отец Александр — казачья жизнь расписания не знает, — поэтому и застал однажды с обнаглевшим от страха мужичком.

— Если у вас любовь, дети мои, так я и повенчать могу, — сказал отец Александр.
— А если блуд... — и показал тяжёлый волосатый кулак, пахнувший благовониями.

«Да я... да ты...» — полез на него хилой грудью мужичок и тут же получил свою толику смирения от хлёсткого по-матросски удара в зубы. А батюшка забрал вещички и вернулся на свою квартиру — бобылём доживать.

История эта наделала много шума в городишке, который и спалто, похоже, под одним одеялом. Владыка Феофантий, епископ, гневно блестя очечками, сжимая в кулаке свою жидкую, мягонькую бородёнку, грозился отлучить от церкви, жаловаться в Синод, написать статью в газету. Но тут пришёл атаман Сапрыкин, коленопреклоненно помолился, поцеловал епископу ручку, попросил смиренно принять на храм пожертвование от казачков. Слабая рука владыки Феофантия дрогнула от увесистого пакета с деньгами, но он всё же сказал — тихо и упрямо:

— Не подобает православному священнику...

— Ваше высокопреосвященство! — так же тихо возразил атаман. — Вы, как монах и девственник, сможете понять — я уверен! — что плоть иногда бывает сильнее духа. Будем молиться за него.

Перед Пасхой, дня за два, атаман Сапрыкин, перетянутый ремнями, поплёскивая латунными вензелями на погонах, возник перед отцом Александром.

— Хотим праздник для народа устроить, отец Александр, — сказал он, помявшись. — Детишкам — бесплатное угощение, концерт небольшой, на лошадках покатаем.

— Дело Божеское, — согласился казачкий поп. — Где намерены всё это мероприятие провести?

— На площади, больше у нас нигде. Разрешение у властей я уже получил.

— То есть, рядом с храмом?

— Не совсем. Ближе к почте.

— Дерзайте, дети мои.

— Там у нас в программе есть ещё парашютные прыжки. Полковник Терехов даёт на два часа вертолёт. Десантура поможет с парашютами.

— За крест над храмом своими куполами не зацепитесь?

— Шутите, отец Александр... У меня все профессионалы, в затыжном прыжке воду из горла пьют.

— Ну-ну...

— Благословление бы получить перед прыжками...

— Приходите.

— Мы хотели вас попросить это сделать в воздухе, в вертолёте то есть. Понимаете, будет телеоператор с областного телевидения, это он просил, ему нужны эффектные кадры. Что ж, нам, казакам, нужно почаще напоминать о себе! Да и вам тоже...

Владыко Феофантий, узнав о затее казачков, возмутился:

— Игры бесовские! Аки ангелы возжелали с неба слететь! Не позволю!

— Я не могу отказать прихожанам в требе! — твёрдо сказал отец Александр, глядя на епископа сверху вниз.

— Кто ты есть? Неуч! — ехидно сказал епископ Феофантий, сцепив пальцы на круглом молодом животике.

— Я людей крещу, — тихо возразил отец Александр... Тысячи уже окрестил, погосты по всем деревням освятил...

— Окормляться-то от этого мы лучше не стали! Бесплатно требы творишь!

— Казаки храму деньги жертвуют. И будут жертвовать.

— За грехи твои!

— За дела мои...

Поссорились они тогда безнадёжно. На задворках военного аэродрома, куда привезли отца Александра, рядом с острокрылыми стратегическими бомбардировщиками стоял вертолёт с латанными пробоинами на фюзеляже, и по борту, в пять рядов, звёзды — боевые вылеты.

Полковник Терехов, коротко козырнув атаману, сказал негромко:

— Благословите, отец Александр! — Неловко ткнулся холодным носом в руку священнику, потом добавил со смешком. — Мне сейчас военком звонил. Ему из окна кабинета видно, как ваш непосредственный начальник, епископ Феофантий на площади молится. Стало интересно — почему на площади? Что у Бога просит? Послал дежурного выяснить. А владыко Феофантий, знаете, просит господа не допустить поругания храма. Да так аргументировано просит: мол, не дай ты им, Господи, лётной погоды, нарушь механизмы вертолётные и муфту сцепления...

— Господь ему судья, — сухо ответил отец Александр.

— Бог-то — Бог... — пробормотал полковник. — Ладно... Прогноз — отличный, видимость — миллион на миллион, ветер — три метра в секунду, вертолёт в отличном состоянии. Готовы, господин атаман?

— Так точно, господин полковник.

— Товарищ полковник... Через десять минут — колёса в воздухе. Выполняйте!

— Есть.

Здрав хвост, сотрясая грохотом бетонку, вертолёт оторвался от земли, круто потянул к облакам. Казачки — в форме, при регалиях — тесно сидели вдоль бортов, и парашюты горбатили их. Отец Александр, уверенно ступая по кренящемуся, вибрирующему полу подходил к каждому, благословлял, давал целовать крест.

Молоденький телеоператор крутился рядом, заглядывал в лицо холодным выпуклым глазом телекамеры. Накренившись в боевом развороте, вертолёт начал нарезать круги над городом, атаман Сапрыкин, рывком сдвинув дверь, смотрел вниз, хищно прищурившись.

Наконец, он откачнулся от обреза двери, впустил в салон ревушую, свистящую, бьющую тугим ветром пустоту и прокричал:

— Первая тройка! Встать! Готов? Пошёл!! — И трое казачков быстро и ловко попрыгали вниз, распластавшись в воздухе.

Отец Александр ещё раз перекрестил их в спины, глянул в блистер — летят, родимые, парят.

— Готов? Пошёл!! — И ещё трое привычно вышли из вертолёта. После каждого прыжка вертолёт слегка подрывало вверх, и пилоты мягко осаживали его.

— У меня тут трое перворазников, новичков, то есть, — прокричал на ухо отцу Александру атаман. — Волнуются ребята...

Взрослые, уже с проседью мужики показались священнику бледными, испуганными, они явно чувствовали себя неловко, стянутые ремнями основного парашюта и «запаски». После каждого прыжка один из них — бородатый, с рваным шрамом на щеке казак — обводил глазами оставшихся, словно подсчитывая, когда его очередь. Ему и выпало прыгать последним. Короткими шажками он подобрался к развёрзтой двери, сделал падающее движение вперёд и вдруг вцепился скрюченными пальцами за какие-то кронштейны, вертолётные рёбра. Атаман Сапрыкин быстро и виновато оглянулся на священника, угрожающе помахал кулаком перед носом телеоператора: «Не смей снимать!» — и начал отдирать побледневшие пальцы мужика от металла. Мотая головой, пятясь, мужик начал садиться прямо на пол. Сапрыкин, пытаясь его удержать, сам оскользнулся и упал на колено. Два человека, упакованные в парашюты, боролись внутри вертолёта, в двух шагах от засасывающей, притягивающей пустоты.

— Отказник... твою мать! — услышал отец Александр бешеный крик атамана. — Встать!

Пилоты, косясь через плечо на возню в салоне, развернули вертолёт ещё на один круг.

— Встать!! — орал Сапрыкин, дёргая мужика за шиворот. — Что ты делаешь?! Забыл, что на круге решили? Отказникам — плеть! Выпорют ведь старого дурака по голой жопе... из казачества выгонят... хрен ты тогда землю получишь... Встать!!

Голова у мужика вяло болталась, и атаман вlepил ему пару хлётских затрещин.

— Эй, командир! — проорал из кабины пилот. — Возвращаться будем?

«Друг, зайди ещё на один разворот!» — показал ему жестаами атаман. Отец Александр, скорбя, подсел к струсившему казачку, с другой стороны, толкаясь парашютом, упал на одно колено атаман Сапрыкин.

— Васёк... Господин подхорунжий... — начал торопливо говорить старому казачку атаман, оглядываясь на пилотов. — Нельзя нам сейчас казаков позорить. Надо прыгнуть, Вася... Ты Афган прошёл, Чечню, ты мужик смелый, ты сможешь!

— Там — не убили, здесь — не хочу! — лязгая зубами, вдруг проорал казак.

— Ты же знаешь — всё надёжно... я сам твой парашют укладывал... первый раз всем страшновато... девчонки прыгают... дети прыгают... я сам с тобой прыгну...

— Тебе-то что? Как два пальца... ты водку в воздухе пьёшь...

— Вот он с тобой прыгнет! — быстро сказал атаман. — Прыгнешь, отец Александр?!

В глазах казака появилось осмысленное выражение.

— Отец Александр тоже будет прыгать первый раз. Причём без подготовки... Бог вам поможет... — торопливо кричал атаман.

— Я, собственно, не имею права... В рясе... — начал отец Александр. — К тому же епископ наш, владыко Феофантий...

— Батюшка!! — яростно заорал атаман. — Души православные не токмо молитвой спасти можно! Говорю же — его выпорют принародно... нагайка-семихвостка... в каждом хвосте по винтовочной пуле зашито... выпорют и из казачества выгонят... Ни денег из казацкого банка, ни земли... Он сдохнет, это я точно знаю!

Глаза казачка начали снова тускнеть.

— Хорошо! — прокричал отец Александр. — Что я должен делать?

— Ничего! Сейчас я вам помогу надеть парашют. Он откроется сам, вот эта стропа выдернет купол. Нужно только выйти из вертолёта... просто сделать шаг! Я буду спускаться рядом, и крикну, что делать дальше, будет хорошо слышно. Всего один шаг, отец Александр!

Путаясь в рясе, отец Александр влез в лямки парашютного ранца. Атаман обряжал его — что-то застёгивал, подтягивал, потом подтолкнул к двери: «Готов?!» Земля,

в серых квадратах городских кварталов, с речкой, по которой бежали слепящее солнце и облака, птицы, летящие под ногами, — всё это вдруг слегка накренилось, маня и поддразнивая, ветер туго хлестал в лицо, растрёпывая бороду священника, выжимал слёзы из глаз.

— Готов?! — снова он услышал голос атамана Сапрыкина. — Пошёл!!

И последнее, что услышал отец Александр перед тем, как шагнуть в пустоту, был весёлый крик пилота:

— Ну, Витёк, сукин сын, сейчас он и попа без всякой подготовки выбросит!..

А потом все звуки исчезли.

Сдавило дыхание, наперсный крест ударил вдруг по зубам, священника перевернуло в воздухе, дёрнуло и, как во сне, медленно и бесшумно начал распускаться над головой светло-серый купол парашюта. Одновременно он видел, как уходит в вираже вертолёт, уронив маленькую человеческую фигурку, и тут же — рывок, и наступила плывущая тишина, и охватило тёплое и спокойное небо.

Подёргав за натянутые верёвки парашюта, отец Александр удивился их надёжности, поглядел вниз — под носками его старых яловых сапог проплывал купол церкви... потом вспомнил про струсившего казачка, заглядывался, — а он висел под куполом, совсем рядом, чуть выше, кричал или пел что-то сумасшедшее и весёлое.

Снова с грохотом и присвистом прошёл над головой вертолёт, из чрева его чёртом вывалился атаман Сапрыкин, камнем полетел вниз, и совсем рядом, почти на том же уровне, где висел отец Александр, распаковался с хлопком и беззлобным матерочком.

Отец Александр засмеялся и крикнул:

— Эй!

— Всё нормально, отец Александр! — тут же отозвался атаман. — Над головой у вас... посмотрите! Клеванты... две красные бобышки... палочки такие, на верёвочках... потяните за правую... сильнее! Всё! Вот так и идём! Сядем в скверике, на травку, ноги держите вместе... всё!

Внезапно земля заторопилась, стала надвигаться всё быстрее и быстрее, побежала куда-то вбок, отец Александр ещё успел услышать крик:

— Священник на парашюте, ахти, господи!

Чей-то знакомый дискант прокричал:

— Ряженный!! — И на этот голос, накрывая его куполом, в крутом развороте пошёл атаман Сапрыкин.

И тут же отец Александр мгновенно увидел на земле отдельные травинки, и сразу же земля не больно ударила в ноги, и он упал не столько от неловкости, сколько от желания прижаться к ней — такой твёрдой и надёжной.

Ветерок вздувал наполовину погасший купол, перебирал стропы, трепал полы задравшейся рясы. Набегал от площади развеселившийся народ. Кто-то уже помогал отцу Александру расстегнуть парашютные замки, а ему всё хотелось полежать ещё минутку на траве, прижаться к ней бородой, вдохнуть запах — земляной, весенний, сочный...

